

А.Ф. Слудский¹
**КАРАДАГСКАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)**

Накануне революции 1905 года, в эпоху нарождавшегося и развивавшегося рабоче-крестьянского движения, передовая интеллигенция России ясно сознавала, что близится конец существовавшему в течение столетий самодержавию. Напрасно правительственная печать отстаивала незыблемость идей православия, самодержавия и народности; напрасно официальная школа старалась вколачивать эти идеи в умы учащейся молодежи; напрасно провозглашались в церкви те же устаревшие, износившиеся догмы: новые течения, требовавшие коренной ломки отжившего свой век социального строя, нарастали бурным потоком. Вышедшие преимущественно из разночинцев, представители передовой интеллигенции понимали, что устои древней Российской империи давно гниют в своих корнях и неизбежно должны рухнуть в недалеком будущем. Такое понимание исторического момента создавало общие революционные настроения, особенно сильно развивавшиеся среди студенческой молодежи и в близких к ней кругах. Но это был период, когда великие идеи марксизма еще только начинали проникать в среду передовой интеллигенции: «Победа марксизма над народничеством и революционные выступления рабочего класса, показавшие правоту

марксистов, усилили симпатии революционной молодежи к марксизму. Марксизм стал модой. Это привело к тому, что в марксистские организации нахлынули целые массы революционной молодежи из интеллигенции, слабые в теории, неопытные в организационном политическом отношении и имевшие лишь смутное, большей частью неправильное представление о марксизме, почерпнутое из оппортунистических писаний «легальных марксистов», заполнивших печать» (Краткий курс истории ВКП(б), гл. II, стр. 2). Это был период, когда на почве еще не укрепившихся и не оформившихся в сознании интеллигенции марксистских идей возникали самые разнообразные искания, не объединенные еще единой передовой революционной историей. Многие представители интеллигенции – писатели, художники, ученые, не примыкавшие к каким-либо политическим группировкам и не участвовавшие в непосредственной активной политической борьбе, тем не менее являлись фактически революционно настроенными политическими деятелями, искавшими той правды, которая должна прийти на смену разрушающемуся старому строю. Каждый из них видел эту правду по-своему, искал ее в той области, которую он лучше знал, в которой сам работал, и многие из них находили те правильные ручки, которые впоследствии, через 10-15 лет, слились в общий поток Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ Проф. А.Ф. Слудский (1885-1954) – директор Карадагской научной станции с 1914 по 1927 гг. Текст статьи печатается по материалам, обнаруженным в архиве Карадагского природного заповедника НАН Украины (рис. 1). Соблюдена авторская стилистика и орфография (прим. составителей).

11/10/1940
 Карадагская биологическая станция
 (исторический отдел)
 Проф. А. Ф. Слудский

62

Накануне революции 1905 года, в эпоху
 зарождавшегося и развивавшегося рабоче-крестьян-
 ского движения, передовая интеллигенция
 России ясно сознавала, что быстрое конче-
 существовавшее в обществе общественное само-
 державие. Научно управленческая
 деятельность государства не удовлетворяла идею право-
 славия, самодержавия и народности; научно
 образованная школа обращалась к марксизму
 и эти идеи в жизни угнетенной молодежи; марк-
 сизм возмущался в церкви также угнетенные
 и угнетенные дети: новые идеологии, требова-
 ние коренной ломки существующего в виде
 феодального строя, крестьян буржуазии и рабочих
 в обществе ирригированно из разрозненных
 представлений передовой интеллигенции
 молодежи, что дало древней России
 "Температура давно гниет в своем доме
 и неизбежно должна рухнуть в марксистском
 фундаменте. Такие политические и исторические моменты
 создавали общее революционное настроение, особенно
 сильно развивавшееся среди студенческой интел-
 лигенции и в близком и дальнем кругу. Но это был
 черед, когда великие идеи марксизма еще
 только начинали проникать в среду передовой
 интеллигенции. "Свобода марксизма над народом
 государством и революционные восходящие работы

Рис.1. Первая страница рукописи А.Ф. Слудского, обнаруженной в архиве Карадагского природного заповедника НАН Украины. Видна отметка о просмотре архивного материала 11 апреля 1940 г. с подписями К.А.Виноградова (директора Карадагской биологической станции), И.В. Шаронова (заместителя директора) и С.М. Ляхова (ученого секретаря)

Основатель Карадагской Станции Терентий Иванович Вяземский вырос в семье

сельского священника в глухой, отдаленной от центров деревне. Детские годы его про-

текли под тяжелыми впечатлениями бедности, бескультурья, непробудной темноты и суеверий старого деревенского быта. Отец выучил его грамоте, и в способном наблюдательном мальчике с ранних лет появилась любовь к книге, жажда знания, того точного знания, которое основано на изучении окружающей его природы, на изучении истории. Когда он подросток, его отдали учиться в духовную семинарию, но призрачный мир религиозной фантастики и мистицизма, которым было насыщено преподавание и воспитание в семинарии, не увлек его. Напротив, он сумел распознать в нем врага, с которым надо бороться. Но каким оружием? Для молодого Вяземского был ясен ответ: оружием знания, знанием законов того материального мира, в котором проходит жизнь человека и частью которого является сам человек. Огромное впечатление произвело на молодого Вяземского знакомство с биографией Ломоносова и чтение некоторых работ великого исследователя. И вот, по окончании семинарии, вместо того, чтобы начать деятельность служителя религиозного культа, к которой готовила его семинария, Вяземский без средств, без связей, без знакомств направился в Москву с надеждой поступить в университет.

С огромным упорством и энергией, преодолевая все трудности, он добился зачисления в студенты историко-филологического факультета. История народов, история народных масс, народных движений – вот что привлекало его в это время, в чем он надеялся найти ответ на мучившие его вопросы и сомнения. Но скоро разочаровался: характер преподавания истории не удовлетворял Вяземского, она не связывала его с текущей жизнью, не давала надежд на ее улучшение, отрывала его от современного ему живого человека. Она много рассказывала, но мало объясняла. А Вяземскому хотелось многое понять. И, не теряя интереса к истории, он увлекся естественными науками, но не отвлеченными, а в применении к живому человеку, к его физическим и психическим особенностям: он перешел на медицинский факультет с тем, чтобы стать в даль-

нейшем врачом невропатологом и психиатром.

Условия жизни продолжали оставаться тяжелыми. Как и большинство необеспеченных студентов, Вяземский зимой пробивался грошевыми уроками, а летом нанимался репетитором и воспитателем в какую-либо купеческую семью. Одно время он работал стенографом в канцелярии московского генерал-губернатора князя Долгорукова. Здесь он имел возможность близко познакомиться с исторически сложившимся, застарелым бюрократизмом самодержавного строя. Слово «бюрократ», которое он часто употреблял в разговорах во время всей своей дальнейшей жизни, звучало в его устах лично пережитыми впечатлениями губернаторской канцелярии.

Никакие трудности жизни не сломили, однако, заложившейся в нем с детства глубокой веры в науку. Эта вера еще укрепилась в результате прохождения курса медицинского факультета, когда перед ним начали раскрываться тайны тех сложнейших взаимоотношений, которые существуют между физической и психической жизнью человека. Эта область, требующая для полного выяснения тончайших исследований и глубочайших знаний законов природы, окончательно определила все дальнейшее направление жизни и деятельности Вяземского, как талантливого врача-психиатра, как научного исследователя и как создателя Карадагской Научной Станции.

-----oooOooo-----

Фундамент будущего счастья народов, счастья человечества должен быть основан на твердой почве точного знания, точной науки – такова основная идея, с которой Вяземский начал свою сознательную жизнь и которая красной нитью прошла через всю его деятельность. Эта идея была для него основным критерием познания добра и зла. Все, что способствует развитию и процветанию науки – хорошо, все, что препятствует движению науки – плохо. Точное наблюдение, удачно поставленный эксперимент, раскрывающий законы природы, блестящий обобщающий вывод, позволяющий глубже загля-

нуть в сложную лабораторию живого организма – вот те величайшие ценности, которые глубоко захватывали и волновали Вяземского. А главным источником этих ценностей была книга. Со свойственным ему энтузиазмом, с лихорадочной жадой узнать, что было сделано в различных областях естествознания и медицины представителями науки предыдущих поколений, Вяземский начал собирать книги и, постепенно втянувшись в это дело, стал ярким библиофилом. Однако, он не стал коллекционером книг, одним из тех коллекционеров, для которых ценно не содержание книги, а ее редкость, ее древность. Собирая свою замечательную библиотеку, Вяземский уже с первых шагов ставил себе определенную цель: он смотрел на свое собрание книг не как на свою личную собственность, а как на общенародное достояние, он искал тех путей, на которых его книжные богатства могли бы быть использованы наиболее широко и плодотворно, он мечтал о том, чтобы книга была доступна каждому ищущему знания независимо от состояния, сословия, рода занятий. Не найдя таких возможностей в окружавшей его современности, после неудачной попытки создать научные очаги в местах ссылки, очаги, в которых мог бы вспыхнуть и разгореться огонь многочисленных талантов, обрекаемых на гибель царским правительством, Вяземский решил за свой риск и страх организовать Научную Станцию в одном из глухих, мало посещаемых уголков Крыма. По его идее эта Станция, создаваемая вдали от курортных местностей, должна была гостеприимно встречать всех, кто желает и может работать над исследованиями явлений природы вообще, и, в частности, в области биологических наук. Понятно, что библиотека должна была занять свое место, именно, на этой Станции. Но для этого предстояло еще найти подходящее место и выстроить Станцию.

-----oooOooo-----

Мы не знаем, кто указал Вяземскому на продававшееся сильно запущенное и разоренное небольшое имение в Крыму, расположенное в амфитеатре Карадагских гор и имеющее выход к морю. Вяземского пленила

уединенность этого уголка и суровая, дикая красота побережья. Кроме того, Вяземским руководили и другие соображения: это место по климатическим условиям, по своей тишине и изолированности, по условиям чистоты воздуха и отсутствию источников заражения представлялось ему благоприятным для организации санатория для нервно- и психически-больных. Собственных капиталов Вяземский никогда не имел. Небольших средств, имевшихся у его жены, могло хватить только на покупку намеченного участка с небольшим одноэтажным домом и службами, и на некоторые строительные работы, которые дали бы возможность разместить проектируемый санаторий. Частный санаторий в руках опытного врача и дельца мог бы давать в те времена весьма значительный доход. Этот доход Вяземский и предполагал использовать для постройки биологической Станции с тем, чтобы в дальнейшем, когда Станция окрепнет и станет на ноги, превратить санаторий в пансионат для лиц, проводящих научную работу на станции. Такая постановка вопроса вызывалась безусловной необходимостью создать при Станции жилой фонд, без которого было немыслимо существование Станции, так как, кроме упомянутого одноэтажного домика, во всем районе не было ни одного жилого помещения. В 1901 г. имение было куплено.

В течение ближайших лет Вяземским был надстроен второй этаж над существовавшим домиком и выстроен отдельный корпус с десятью большими комнатами и подвалом. Весьма скромная обстановка dokonчила оборудование санатория, а вместе с тем иссякли и все средства, которые Вяземский мог вложить в это дело.

Вопреки ожиданиям Вяземского, организованный им санаторий не стал доходным предприятием: талантливый опытный врач, энтузиаст науки оказался плохим дельцом, как этого и следовало, конечно, ожидать. Весь финансовый план создания Биологической Станции за счет эксплуатации санатория рухнул. Приходилось изыскивать другие пути и способы к осуществлению заветной мечты. Попытки Вяземского найти под-

держку среди некоторых известных московских меценатов, жертвовавших иногда большие суммы на культурно-просветительные нужды, не увенчались успехом: идеи Вяземского не заинтересовали представителей богатого купечества. Мне вспоминается рассказ Вяземского о встрече с одним из таких меценатов, который охотно поддерживал студенческие революционные кружки и землячества. Выслушав Вяземского, он грубо оборвал его, заявив, что ни одной копейки денег на утопические бредни не даст. Не только в буржуазной среде, но и в научных кругах Вяземский далеко не всегда находил сочувственное отношение к делу создания Станции. Поэтому особенно ценным для этого периода явился горячий отклик профессора Московского Университета Льва Захаровича Мороховца, благодаря которому началась практическая реализация идеи постройки станции. Это было в 1907 году.

Л.З. Мороховец, как и Вяземский, не располагал какими-либо значительными средствами, которые позволили бы быстро осуществить строительство и оборудование Станции, но все-же соединенные усилия двух человек сдвинули дело с мертвой точки. Отношения между Вяземским и Мороховцем в этом общем деле сложились так, что Мороховец в основном давал средства на строительство двух станционных зданий – лабораторного корпуса и здания для сотрудников, а Вяземский фактически руководил стройкой, вкладывая в это дело и свой личный заработок. Никаких технических руководителей постройки, кроме самого Вяземского, не было: он сам был и проектировщиком, и производителем работ, а помощником его был местный каменщик Паника Чауш. На стройке было занято двое-трое рабочих, редко когда больше. Такой медленный темп строительства был связан с общей основной причиной – отсутствием средств. С отъездом Вяземского на зимний сезон в Москву, где он читал лекции в университете, работы по строительству прекращались. Осенью 1910 г. (когда мне впервые пришлось попасть на Карадаг и познакомиться с Вяземским), стены лабораторного корпуса были закончены, и на здании

возводилась крыша. В жилом корпусе еще только шла кладка стен первого этажа.

Тяжелая болезнь, постигшая Л.З. Мороховца, от которой он уже не смог оправиться, поставила под угрозу возможность дальнейшего строительства. Средств на постройку явно не хватало, тем более, что стоимость постройки сильно превышала сметные предположения. В это трудное время значительную помощь оказал С.С. Крым (один из крымских общественных деятелей), предоставивший Вяземскому возможность использовать банковский кредит. Общий финансовый план представлялся тогда в таком виде, что, благодаря банковскому кредиту, получалась возможность закончить постройку и оборудование станции. Быстрый рост стоимости земельных участков обеспечивал в течение ближайших лет возможность полного покрытия всей задолженности путем продажи части принадлежащей Вяземскому земли, не затрагивая основного земельного фонда, необходимого для существования Станции. В дальнейшем Станцию предполагалась связать с Московским университетом, в частности, с Физиологическим институтом этого университета, которым руководил тогда Л.З. Мороховец. Но и этому плану не суждено было осуществиться. Тяжело больной Лев Захарович пожелал совсем отстраниться от всякого участия в деле Станции, и перед Вяземским встал вопрос о новых займах, чтобы выплатить своему старому соратнику затраченные им на постройку Станции суммы. Вместе с тем оказалась под большим сомнением и возможность дальнейшей связи Станции с Московским университетом. Опять приходилось искать путей для достройки и дальнейшего развития деятельности Станции. Но к этому времени среди научных и общественных кругов уже возникла группа лиц, которым стала близка идея Карадагской Станции, которые видели в Т.И. Вяземском уже не чудака и маниака, а талантливого врача и исследователя, энтузиаста науки, с исключительно широкой эрудицией, обаятельного собеседника, заражавшего слушателей своим энтузиазмом. Среди этих лиц, неоднократно посещавших Карадаг и ставших

друзьями Вяземского и создаваемой им Станции, было немало крупных ученых – проф. Навашин, проф. Болдырев, проф. Сербский, проф. Бачинский и др. Но особенно горячо приняли к сердцу идею Вяземского проф. (позднее – академик) А.П. Павлов и его жена – известный палеонтолог и, позднее, также академик – М.В. Павлова.

Здоровье Вяземского в эти годы, годы предшествовавшие империалистической войне, было уже сильно подорвано. Он отчетливо сознавал, что его сил хватит уже не надолго, что для спасения дела всей его жизни надо передать Станцию в надежные руки общественной организации, которая взяла бы на себя дальнейшую заботу о ней. Наиболее подходящей к идеям Вяземского организацией оказалось в то время Общество содействия успехам опытных наук², состоявшее одновременно при двух ВУЗ'ах – Московском Университете и высшем Техническом училище, общество, лишь недавно образовавшееся, чуждое того бюрократизма, которого так не любил Вяземский, и располагавшее весьма значительными средствами. Среди деятелей этого Общества были проф. Н.Е. Жуковский, проф. Н.А. Умов, проф. С.А. Федоров, проф. И.А. Каблуков, проф. П.П. Лазарев, уже упомянутые А.П. Павлов, А.И. Бачинский и ряд других лиц, которые сумели оценить и поддержать идею Вяземского. После предварительных переговоров с бюро Общества и заслушания информационного доклада о Карадаге с демонстрацией на экране серии диапозитивов, произведших едва ли не большее впечатление, чем текст доклада, Общество на заседании совета 25 марта 1914 г. постановило принять Станцию как пожертвование Вяземского, погасив задолженность по Станции Мороховцу. Вяземскому было поручено дальнейшее управление ею. Для руководства организацией и деятельностью Станции от Общества была назначена комиссия под председательством А.П. Павлова, в составе И.А. Каблукова, Н.Н. Худякова, Т.И. Вяземского, А.Ф. Слудского и Н.А.

Умова. Смета расходов по Станции была намечена в первый год в сумме 3 500 р., а штаты Станции ограничивались помощником заведующего и рыбаком на летний сезон, да сторожем на круглый год. Столь скромный бюджет и штаты первого года ее существования как общественного учреждения были, конечно, случайным явлением: среди года было трудно выкроить из бюджета Общества более крупные суммы, а кроме того и Обществу надо было время, чтобы освоить Станцию и ввести ее в русло своих работ. Поэтому первый год рассматривался как год переходного состояния Станции и ближайшего ознакомления Общества с ней. На отпущенные небольшие средства все же удалось приступить к оборудованию Станции, провести некоторые строительные работы, а также выполнить и ряд небольших исследовательских работ. В это время лабораторный корпус был в основном уже достроен, а жилой корпус подведен под крышу, и заканчивалась его внутренняя отделка.

Четырнадцатый год в истории Станции был годом крупных событий. Если, с одной стороны, Станция впервые оформилась как общественное учреждение, получила свой устав, управление и штаты, вошла в списки существующих и работающих научных институтов, то, с другой стороны, Станция понесла исключительно тяжелую утрату. Простудившись во время поездки к больному, Вяземский заболел воспалением легких: надорванный организм его не справился с этой болезнью. 23 сентября его не стало. Кончился первый этап в истории Станции, этап всецело обязанный энергии и энтузиазму инициатора и основателя этого учреждения. Научная общественность отметила этот этап присвоением Карадагской Научной Станции имени Т.И. Вяземского.

Но четырнадцатый год ознаменовал собой также начало крупнейших событий мировой истории: началась первая империалистическая война. Никто не мог предсказать тогда, как будут разворачиваться события. Положение Научной Станции, изолированно стоящей на границе страны, на берегу моря, представлялось тревожным. Возможность

² Здесь и далее речь идет об Обществе содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова (*прим. составителей*)

дальнейшего строительства и развития научной работы на Станции ставилась под сомнение. Капитальная достройка и дооборудование Станции откладывалось до окончания войны, а доделок капитального характера оставалось еще очень много. Станция нуждалась в морском и пресном водопроводе, в электроэнергии, в телефонной связи, в улучшении транспортных условий; оборудование лабораторий было еще в зачаточном состоянии: так, например, на Станции имелся в это время всего один микроскоп. Огромная, но совершенно не разобранный, не инвентаризированная и не каталогизированная библиотека, в которой сам Вяземский ориентировочно насчитывал до 40 000 томов, являлась по существу складом книг. Для приведения ее в порядок требовалась не только большая работа, но и постройка специального библиотечного здания. По завещанию Вяземского Станции переходило все его имущество, а, следовательно, и весь хозяйственный комплекс, связанный с земельными участками и с бывшим санаторием. Все это имущество должно было войти теперь в общий план развертывания Станции. Перспективы раскрывались очень широкие, но реализация их задерживалась условиями военного времени. В таком состоянии Станция существовала с 1914 по 1918 год. За этот период Станцией был выполнен ряд исследовательских работ, давших первое представление о фауне и флоре прилегающего к Карадагу участка Черного моря (работы А.А. Остроумова, В.Н. Вучетича, Л.И. Курсанова, В.М. Арнольди). Аналогичные работы были проведены и по сухопутной фауне и флоре (В.Н. Вучетич, Г.А. Пашин, С.С. и А.И. Четвериковы, Н.Ф. Слудский). Вместе с тем продолжились работы по геологическому и минералогическому изучению Карадага и прилегающих к нему районов (А.П. и М.В. Павловы, Д.П. Стрелюхов, М.Е. Мирчинк, А.В. Красовский, Н.Ф. Чурин, А.Ф. Слудский). Проведенные работы дали возможность выпустить в 1917 г. первый выпуск «Трудов» Станции и тем положить начало печатному органу Станции. Не лишено интереса отметить, что печатание «Трудов» Станции в виде отдельного само-

стоятельного издания, встретило в то время значительное сопротивление со стороны некоторых членов Общества. По-видимому, возможность дальнейшего существования Станции казалась очень проблематичной.

Параллельно с развитием исследовательских работ медленно, но неуклонно шло пополнение оборудования Станции, ее мебелировки и инструментария. Если в 1915 г. выезды в море на ялике Станции были довольно сложным делом, так как работать приходилось на веслах или под парусом, то уже в 1916 г. приобретение маленького навесного мотора в 2-3 силы ввело работы на море в цикл обычных работ Станции. Приобретение двух больших музейных шкафов в 1915 г. позволило приступить к созданию станционного музея. Начались работы по инвентаризации библиотеки и составлению карточного каталога. Были произведены довольно значительные земляные работы по планировке участка Станции и спрямлению русла проходящей через участок балки. Последняя работа была вызвана тем обстоятельством, что в 1914 г. жилой корпус станции оказался под угрозой разрушения ливневым потоком, ударявшим в юго-восточный угол здания. В 1915 г. было положено начало декоративным насаждениям на станционном участке, и эта работа постепенного озеленения неуклонно продолжалась и в дальнейшие годы.

Штаты Станции оставались, более чем скромными. За весь период 1914-1918 гг. научные силы Станции пополнились всего одной единицей – в 1915 г. была учреждена должность помощника заведывающего, которому вместе с заведывающим приходилось единовременно с научной работой вникать во все стороны жизни станции. Эту должность занял В.Н. Вучетич. В течение десяти лет его кипучая энергия и огромная любовь целиком были отданы Карадагской Станции и оставили неизгладимый след в его истории.

В 1918 г. гражданская война и иностранная интервенция прервали связь между Крымом и Москвой. Станция была оторвана от своей метрополии и, в не окрепшем еще виде, оказалась вынужденной вести само-

стоятельное существование, отстаивать свое право на жизнь и на работу среди бурного водоворота событий. Темп истории достиг невероятных скоростей: только за один 1918 год в Крыму сменилось пять, совершенно различных правительств: Советская власть, германская оккупация, кратковременное правление Сейдамета, буржуазно-националистический курултай с генералом Сулькевичем и местное, так называемое «демократическое» правительство. Конечно, не могло быть и речи о какой-либо преемственности между этими правительствами. Но несмотря на кратковременность первой эпохи Советской власти в Крыму, Феодосийский совет рабочих и крестьянских депутатов успел ознакомиться со Станцией, оценил ее значение в будущем социалистическом строительстве страны и дал конкретные директивы в отношении ее сохранения.

Мне вспоминается один эпизод, который произвел тогда большое впечатление: Феодосийский совет ассигновал Станции, ввиду ее исключительно тяжелого материального положения, субсидию в счет сметы, которая должна была еще пройти в будущем. Для того, чтобы получить деньги, было предложено зайти через пару дней. В ответ на мои соображения, что сообщение между Карадагом и Феодосией крайне затруднено, мне было обещано, что деньги будут доставлены на Карадаг. И действительно, через два дня к Карадагской Станции причалила моторная лодка, привезшая деньги. Этот эпизод показал не только нам, работникам Станции отношение к ней советской власти, не только поднял дух немногочисленного персонала Станции, но стал широко известен среди окрестного населения и высоко поднял авторитет Станции.

Период совершенно неопределенного положения Станции продолжался с 1918 г. по 1920 г. — до окончательного освобождения Крыма от белогвардейцев и установления Советской власти на всей территории страны. За все это время не могло быть и речи о планомерном развитии деятельности станции. Основной заботой являлась забота об ее сохранении. Материальное положение было

крайне тяжелым. Из государственных средств Станции почти ничего не удавалось получить. Собственное хозяйство Станции было малорентабельным.

Научная работа Станции за период 1918-1920 гг. была крайне слаба, но все же не прекращалась. Общее направление ее оставалось таким же, как и в предыдущие годы: Станция накапливала фактический материал, характеризующий в различных областях природные данные ее окрестностей. Кроме постоянных — А.Ф. Слудского и В.Н. Вучетича — на Станции работали и приезжавшие специалисты — проф. С.Е. Кушакевич и В.А. Караваев. Кроме того, Станцией при ближайшем участии А.И. Спасокукоцкого было предпринято обследование «Бездонного колодца» — карстовой шахты на горе Агармыш около Старого Крыма, о которой среди местного населения ходили самые фантастические легенды. Связанной с Карадагской станцией оказалась также работа московского палеонтолога Семенковича по крымским алектриониям, коллекция которых частично принадлежала станции. Результаты этой работы послужили материалом для выпуска «Трудов» Станции, изданном в Феодосии в 1918 г.

Положение станции продолжало оставаться трудным и в первые годы Советской власти в Крыму — 1921 и 1922 гг. Экономические потрясения, вызванные империалистической войной, иностранной интервенцией и длительной борьбой с контрреволюционными вооруженными силами, последние остатки которых только что были окончательно изгнаны из Крыма, усугублялись исключительным неурожаем 1921 г. На этой почве стал развиваться бандитизм. Сохранить в целости хозяйство станции и, в частности, живой инвентарь, было трудно. Нелепый случай еще ухудшил положение — бешенная собака искусила коров, лошадей, осла — и скотина начала заболевать бешенством. Пришлось ее пристреливать. Никаких запасов продовольствия на Станции не было. Расстроенный за минувшие годы и еще неналаженный транспорт не позволял надежно связаться с центрами. Задача стояла совершенно определен-

ная — как-нибудь протянуть еще некоторое время, сохранив в целости все основные фонды Станции, пока в процессе восстановительного периода не появятся возможности перехода на более нормальное положение. Задачи питания стали основными задачами, от которых зависела дальнейшая судьба персонала станции, того немногочисленного актива, который сжился с Карадагом и желал сохранить Станцию во что бы то ни стало. Но часть технического персонала все-же была утеряна — люди уходили искать лучших условий и, удержать их было невозможно. Судьба Станции решалась в это время в двух местах: в Москве, где устанавливались новые взаимоотношения и проводилась организационная работа по размещению и приведению в соответствие с планами нового социалистического строительства всего наследства, оставшегося от старого капиталистического строя, и в Карадаге, где совершенно изолированно от Москвы и при очень тяжелых бытовых условиях шла борьба за сохранение имущества Станции, за ее целость как научного учреждения. Насколько несовершенна была связь между Москвой и Карадагом видно из того, что постановление Президиума ВСНХ РСФСР от 8 ноября 1918 г., согласно которому Станция после ликвидации Общества содействия успехам опытных наук, была передана в ведение научно-технического отдела ВСНХ РСФСР, дошло до Станции лишь через три года (в конце 1921 г.).

Несмотря на неопределенность и полную необеспеченность положения Станции, текущая научная работа на ней все же не прекращалась. К этому периоду (1921 г.) относится открытие А.И. Спасокукоцким на Карадаге аномальных магнитных явлений, которые впоследствии стали предметом специальных исследований.

В 1922 г. Станция перешла из системы ВСНХ в систему Народного Комиссариата Просвещения, и ближайшее заведывание ею было поручено Главнаукой Московскому Обществу Испытателей Природы, которое и приняло Станцию в свое ведение со второго полугодия этого года. Огромная восстанови-

тельная работа, проведенная к этому времени во всей стране, уже начала давать свои результаты и в Крыму, где весь процесс шел с запозданием по сравнению с севером. Жизнь начинала входить в определенные нормы и рамки, дальнейшие пути и перспективы начали проясняться, появились широкие увлекательные планы работы Станции в условиях нового социалистического строительства.

Конец 1922 г. был занят организационной работой и подготовкой к новому этапу в жизни и деятельности Станции. Предстояло провести огромную хозяйственную работу, чтобы восстановить разрушающиеся строения, возобновить инвентарь, дополнить оборудование, наладить транспорт и питание. И прежде всего Станция, благодаря уничтожению земельной собственности и созданию общегосударственного земельного фонда, получила в свое ведение значительные земельные участки, принадлежавшие ранее частным владельцам и создававшие чересполосицу. Особенно ценным было приобщение к землям Станции участка Кондратова на широкой, ровной, обрывающейся к морю террасе между станционными корпусами и Лобовым хребтом, а также Кондратовского участка по Тумановой балке с находящимся на нем домиком. Благодаря этому в ведение Станции переходила вся береговая полоса на протяжении около трех километров. Кроме того к Станции отошел участок Роде с имеющейся на нем дачей и несколько других участков, округляющих земельный массив, отошедший к Станции.

В свою очередь из ведения Станции был изъят участок площадью около 40 га, расположенный по приморскому склону хребта Кок-Кая возле Коктебеля, т.е. тот участок, которым Станция никогда фактически не пользовалась, и который еще сам Вяземский намечал в свое время к продаже для покрытия задолженности по Станции.

В связи с вопросами наиболее рационального использования огромного и почти незатронутого культурой земельного массива Карадагской горной группы была выдвинута идея создания Государственного заповедника, назревавшая в скромном масштабе еще в

дореволюционные годы. В архиве Станции сохранился «Опросный лист для учета заповедников и памятников природы», касающийся Карадага, относящийся к эпохе 1917 г. и заполненный академиком А.Н. Павловым. В нем А.Н. Павлов предлагает: «Сохранить для будущих поколений исключительно интересную и поучительную природу данного участка» (§9), считая эту местность «одной из самых поучительных мировых достопримечательностей» (§5). Эта идея была развита позднее в небольшой брошюрке «О Карадагском Национальном Парке»³, напечатанной мною в Феодосии в 1924 г.

Как в Москве, в Главнауке, так и в Крыму, в Наркомземе, эта идея была подержана. 17 мая 1924 г. состоялось постановление коллегии Наркомзема Крыма об отводе Карадагской Научной Станции под Национальный Парк лесного массива площадью в 1 500 десятин. Довести это дело до реализации, к сожалению, не удалось, но всё же оно оставило достаточно глубокий след, выразившийся в прекращении порубок, ограничении пастбы скота, а затем и в начавшемся возобновлении древесных насаждений.

Управление Станцией в Обществе испытателей природы было организовано по тому же образцу, как в дореволюционное время в Обществе содействия успехам опытных наук: при Обществе был организован комитет по делам Станции, во главе которого, как и в Леденцовском обществе, стал А.П. Павлов. В 1925 г. будучи уже в возрасте 72 лет, А.П. Павлов отстранился от обязанностей председателя Комитета, и его место занял проф. Д.В. Соколов. Большое участие в делах Станции принимал и лично президент Общества академик М.А. Мензбир.

В ведении Московского Общества испытателей природы Карадагская Научная Станция состояла до 1921 г. В эту эпоху параллельно с общим ростом советской науки и культуры шел неуклонно рост Станции, ее

научной деятельности, оборудования, хозяйства.

Некоторые досадные эпизоды, как, например, снятие Станции в 1924 г. с государственного бюджета, и непринятие ее на местный бюджет – случай, вызвавший личное вмешательство председателя ВСНХ РСФСР т. Богданова и Наркома Просвещения т. Луначарского и повлекший переговоры о возвращении Станции в ведение ВСНХ, не мог задержать общего роста Станции. Рос бюджет Станции, росли штаты, рос приток приезжих специалистов, росла и научная продукция. Кроме геологического и зоологического отделов, на Станции появился ботанический отдел, руководимый В.Н. Сарандинаки, и взявший на себя систематическое изучение флоры Карадага и прилегающих районов. Вопросы экологического изучения Карадага вызвали необходимость изучения климата, а, следовательно, организации метеорологических наблюдений. При содействии гидрометеорологического центра Черного и Азовского морей в Феодосии на Карадаге была установлена метеорологическая Станция, начавшая регулярные наблюдения и вошедшая в 1923 г. в общую метеорологическую сеть (Е.Н. Слудская). Геологическое изучение Карадага, начатое Слудским, было продолжено Д.В. Соколовым, А.И. Спасокукоцким, Д.Н. Соболевым и другими геологами. На основании этих работ и детальной разведки, проведенной К.А. Марковым, идут в настоящее время разработки трассов на Святой горе; трассовые разработки являются одним из крупнейших горнопромышленных предприятий Крыма; они снабжают трассом цементные заводы в Новороссийске.

Работа проф. Григорьева обнаружила водоумягчительные способности трасса, использование которых пока еще не осуществлено.

Карадагская магнитная аномалия стала предметом нескольких специальных исследований: в 1922-24 г.г. проф. А.В. Вознесенский провел магнитную съемку значительной части Карадага, которая дала крайне интересные карты магнитных явлений в этой области. Акад. Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, про-

³ Слудский А.Ф. О национальном парке на Карадаге. – Феодосия, 1924. – 7 с. (прим. составитель)

вода при участии Е.Н. Савельевой-Дьяконовой⁴ петрографическое изучение Карадага (1924-29 г.г.), специально изучал магнитные свойства пород этой группы и провел интересные эксперименты по искусственному намагничиванию горных пород. Капитальный труд Левинсон-Лессинга и Савельевой-Дьяконовой, напечатанный отдельной монографией Академии Наук СССР в 1933 г., является законченным этапом петрографического изучения Карадага.

Одновременно с работами Ф.Ю. Левинсон-Лессинга проводил исследования магнитных явлений Карадага А.А. Турцев. Кроме того, им была выполнена труднейшая топографическая работа по съемке прибрежных хребтов и Святой горы. Береговая линия Карадага впервые получила точное топографическое оформление. Началось также и геоморфологическое изучение карадагского района (проф. А.С. Барков).

Очень много внимания привлекала наземная фауна Карадага, в особенности энтомофауна: в этой области работали В.Н. Вучетич, проф. В.С. Болдырев, проф. А.М. Дьяконов, проф. В.А. Караваев, С.Я. Парамонов и др., труды которых были напечатаны в различных советских и зарубежных изданиях.

По изучению флоры Карадага работали В.Н. Сарандинаки, проф. Д.П. Сырейщиков, проф. В.С. Михайловский. Проф. Ф.Н. Крашенинников и Н.И. Соковнина провели интересную работу по утилизации солнечной энергии растениями и, в частности, морскими водорослями.

Морская фауна дала материал для работ в нескольких направлениях: наряду с экологическим изучением района в целом, шли специальные исследования морфологического и гистологического характера (проф. В.В. Милютин, Е.В. Милютина, А.О. Киселев), а также были начаты уже некоторые работы физиологического и биохимического характера (В.М. Карасик, П.П. Павлов и др.). В этот период быстро развивающаяся работа Станции начала привлекать к себе внимание многочисленных научных учреждений СССР, многие из которых завязали прочные постоянные связи со Станцией.

Колоссальный рост науки в СССР начал предъявлять к Карадагской Станции все большие и большие запросы, и рост Станции не поспевал за ними. Приходилось ограничивать число студентов-практикантов, направлявшихся на Карадаг из разных ВУЗ'ов, приходилось отказывать в рабочих местах за недостаточностью помещений и оборудования, приходилось задумываться над планами значительного расширения Карадагской Научной Станции в недалеком будущем. В перспективе Карадаг уже начинал перерастать существующие рамки и становиться центром всесоюзного значения.

⁴ Левинсон-Лессинг Ф.Ю., Дьяконова-Савельева Е.Н. Вулканическая группа Карадага в Крыму. — Л.: Изд-во АН СССР, 1933. — 151 с. (прим. ред.)